

ЛЕКЦИЯ 6

На прошлой лекции мы с вами обсудили и постарались понять, что происходило в древности вместо современного пения антифонов в начале Божественной литургии. Вы знаете, конечно, что обычно в конце второго антифона (и после первого) бывают ектении малые, а потом бывает пение догматика "Единородный Сыне и Слове Божий, Безсмертен Сый..." — я думаю, что вы все знаете текст этого догматика и знаете, что само название это "догматик" — дано этому песнопению потому, что в нем как бы исповедуется догмат о Боговоплощении, о рождении Сына Божия от Девы Марии. И вот после пения догматика, после ектении начинают "Блаженны". Открываются царские врата, и хор поет заповеди блаженства. Это бывает не всегда, но в обычной воскресной службе, которую мы преимущественно сегодня обсуждаем, всегда поются заповеди блаженства, а на праздничной службе бывают праздничные антифоны.

Во время пения "Блаженных" священник берет Евангелие с престола, отдает его дьякону, перед ними идет свещеносец со свечой (если служат два дьякона, то младший дьякон идет с кадилом перед дьяконом, несущим Евангелие), они обходят престол, выходят через северные врата на солею, на амвон и здесь останавливаются, и священник читает молитву: "Владыко Господи, Боже наш, уставивый на небесех чины и воинства ангел и архангел в служении Твоея Славы! Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и сослავословящих Твою благодать. Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

После того, как окончится пение "Блаженных", дьякон указывает на царские врата и говорит: "Благослови, владыко...". Священник благословляет, говоря: "Благословен вход святых Твоих всегда, ныне и присно и во веки веков". Дьякон возглашает: "Премудрость, прости". И совершается торжественный вход с Евангелием. Евангелие полагается на престоле, а священник целует иконы Спасителя и Божией Матери на царских вратах, благословляет свещеносца, потом подходит к престолу и целует Евангелие, в то время как хор поет "Приидите, поклонимся и припадем ко Христу...".

Вот этот так называемый малый вход, или вход с Евангелием, имеет свое символическое или аллегорическое толкование. По этому толкованию малый вход символизирует выход Христа на проповедь, потому что здесь выносятся Евангелие из алтаря, и Евангелие, которое есть Слово Божие, в данном случае указывает на то, что Слово Божие износится — это Христос выходит на проповедь. Вообще все символическое толкование литургии построено таким образом, чтобы как бы раскрыть в последовательности временной земную жизнь Спасителя, ее главные моменты, чтобы служение литургии понять как вечно пребывающую, вечно открывающуюся, вечно являющуюся нам жизнь Спасителя, чтобы нас сделать участниками всех тех событий, которые были почти две тысячи лет назад на Святой земле. И, конечно, эта цель не только прекрасна, но и совершенно правильна, потому что действительно литургия приобщает нас вечности, приобщает нас всем вечным духовным событиям, всей той Божественной реальности, которая открыта нам, явилась нам с пришествием Христовым на Землю.

Но имеет смысл, и очень большой, обратиться к другому толкованию, историческому, этого момента. И тогда, исследуя,

— 2 как в древности совершалась литургия, мы найдем, что тот крестный ход, о котором мы говорили в прошлый раз, который шествовал, скажем, из Святой Софии в другой храм, и в этом крестном ходе шел Патриарх с сослужащим ему духовенством и с народом, этот крестный ход приходил к храму, где должна быть совершена литургия, и совершалось торжественное вхождение в храм. При этом открывались царские врата храма, потому что древние храмы были устроены таким образом, что у них был большой притвор, а потом были врата в храм. Они были устроены так, что центральные, главные, врата открывались только для царя, для Патриарха, епископа, а народ обычно входил боковыми вратами. Поэтому центральные врата назывались царскими вратами. В наших храмах, где притвор сделан совсем маленьким или его уже вообще нет, царские врата тоже в этом смысле больше не существуют. И царскими вратами стали называться врата, ведущие в алтарь, — врата иконостаса. А в древности иконостаса не было и не было вот такого глухо отделенного от храма алтаря, как у нас на Руси, и царскими вратами, как я уже сказал, назывались врата, которыми действительно совершалось вхождение в храм.

Так вот, совершался такой торжественный вход в храм, и этот вход к началу литургии являет, я бы сказал, замечательную историческую сохранность в архиерейском служении. Те из вас, кто бывает на архиерейской службе, знают, что архиерей, приходя на службу, не входит сразу в алтарь, но сначала входит на кафедру, которая располагается на середине храма, и там облачается во время пения антифонов, а затем совершается торжественный вход в алтарь с пением "Приидите, поклонимся и припадем ко Христу", наподобие того, как в древности Патриарх или епископ входил в храм.

Надо сказать, что здесь присоединяется и другое очень важное историческое вхождение. Дело в том, что в древности, когда не было книгопечатания, Евангелие рукописное являлось, естественно, совершенно особенной и чрезвычайной святыней общины. Не только потому, что вся община христианская почитала Слово Божие, но еще и потому, что такое Евангелие возобновить, восстановить было очень трудно. И поэтому список Евангелия община хранила как зеницу ока, тем более что во время гонений гонители всегда старались Евангелие найти и уничтожить.

Евангелий, конечно, было мало, они были рукописными. Хранились Евангелия обычно не на престоле, как теперь у нас Евангелие лежит постоянно на престоле. Они прятались в специальные хранилища секретные, где их не так легко было найти.

И вот к тому моменту, когда епископ приходил в храм, специально присоединялось изнесение Евангелия, или принесение Евангелия. Евангелие доставалось из хранилища, и его приносили для служения литургии. Таким образом, вход архиерейский как бы совпадал с принесением Евангелия, поэтому вход совершался с Евангелием.

То, что мы имеем теперь, в обычной нашей священнической службе, есть некая трансформация, которая имеет целью сохранить какие-то главные моменты, символизировать их. То есть, наш малый вход просто символизирует все то, что было раньше, хотя большинство из нас уже не помнят, как это раньше было, и не понимают, для чего все обстоит именно так, а не иначе. И вот наше аллегорическое, символическое толкование, разумеется, из хороших побуждений, но дает нам как бы картину совершенно противоположную тому, что было в истории. Потому что тогда это был действительно вход с Евангелием для служения литургии вход архиерея с Евангелием. А теперь это в ы х о д с Евангели

— 3 ем, который как бы изображает, символизирует выход Христа на проповедь. В древности так не понимали этот момент, это уже более позднее и как бы сочиненное символическое толкование, конечно, довольно искусственное. Потому что вместо входа получается выход, потому что вместо того, чтобы вспомнить, как начинается литургия (приносится Евангелие, совершается торжественный момент входа), вместо этого — аллегория, которая в данном случае носит характер некоторого вымысла и определенной натяжки, и это мало что дает для нашего сердечного участия. Трудно нам воспринимать малый вход как выход Христа на проповедь. Конечно, можно себя заставить воспринимать его именно так, но есть ли в этом смысл — сказать трудно. По крайней мере исторически это не очень оправдано. Мы не видим, чтобы такие аллегорические толкования, довольно далекие и поздние и имеющие характер благочестивых измышлений, содействовали росту благочестия в народе, чтобы они облегчали нам совершение литургии. Напротив, когда мы представляем себе литургию более близкой к исторической реальности, когда мы понимаем, как это совершалось в древности нашими древними святыми, мучениками, мы лучше можем совершать Божественную литургию.

Поэтому в двух этих подходах — аллегорическом и историческом — бывают иногда некоторые расхождения, причем довольно сильные. Это вполне естественно, ведь это не какая-то симфония, специально сочиненная, все развивалось естественным образом в жизни, поэтому иногда были сближения, совпадения, а иногда некоторые расхождения. Вот почему получается иногда некоторая дисгармония в толкованиях. Но нам нужно научиться и тот и другой подход ценить — не отбрасывать, не осуждать, но уметь и в том и в другом подходе увидеть хорошее, доброе и объединить их должным образом. Тогда наше понимание, наше толкование литургии будет наиболее полным.

Если мы просто отбросим аллегорическое, или символическое, толкование литургии, то очень много лишимся, потому что все-таки литургия есть преодоление пространства, времени, это есть выход из нашей земной реальности, и без понимания литургического символизма мы чрезвычайно обедним наше восприятие литургии. Так что символизм литургический необходим, и понимание его для нас совершенно необходимо. Но он не всегда бывает одинаково удачен, одинаково глубок и имеет разное происхождение во времени, в истории. Некоторые образы бывают менее удачны. Как раз отсутствие исторического толкования делает символический подход слишком надуманным, слишком оторванным от реальности и уже не убедительным. Он будет восприниматься в конце концов просто как некая придуманная сказка, неизвестно зачем и почему придуманная.

Историческое толкование, напротив, привязывает нас к исторической реальности, наполняя все литургическое действие живой исторической тканью и заставляя нас чувствовать литургию, в истории, в веках совершаемую. Литургию, которая из века в век совершалась живыми и святыми людьми, из века в век была центром жизни Церкви, ее сердцем.

Зная историческое толкование литургии, мы чувствуем как бы биение пульса церковной жизни, но если мы забудем символическое толкование, то нам грозит другая крайность — мы можем впасть в искушение видеть только один историзм и заняться одной только археологией, хотя археология церковная, очень полезная и нужная, очень много для нас значит, но все-таки одного этого слишком мало для правильного восприятия Божественной литургии. Здесь, как всегда в нашей христианской жизни, в пони

— 4 мании христианских богословских проблем, важно почувствовать эту антиномию, т.е. противоречие, Божественного и человеческого. Духовный символизм и историческая реальность — только вместе они дают нам нужную глубину и ощущение Богочеловечности нашей литургии и нашей христианской жизни.

Таким образом, вход, который совершается во время литургии после пения антифонов, это есть вхождение в храм прежде всего, потом с кафедры архиерейской происходит продвижение к престолу, архиерей поднимается на амвон, входит в царские врата уже нашего храма, подходит к престолу. Затем, как вы знаете, поется "Святый Боже...". В это время происходит движение на горнее место: архиерей и все духовенство, которое сослужит ему (а если нет архиерея, то священник), восходят на горнее место.

Такое движение вперед и вверх есть, конечно, тоже движение символическое. Оно совершалось так всегда в служении литургии и изображает собой восхождение от земной жизни к жизни небесной. Это есть движение навстречу Царству Божию, которое приходит к нам в силе, потому что, как мы уже говорили, литургия Божественная это есть Царство Божие, пришедшее к нам на Землю. И вот навстречу Богу, навстречу этому Царству Божию мы движемся, начиная литургию. Это есть вхождение в Царство Божие, потому это место и называется "горнее место" — горний престол, престол небесный, к которому мы приближаемся. То есть, здесь замечательным образом подчеркивается, что есть наш престол, земной, и есть горний престол. Дьякон говорит священнику, который отходит от престола, горнего места: "Благослови, владыко, Горний Престол". Здесь подчеркивается, что мы восходим к горнему престолу, мы приближаемся к нему. Иначе говоря, наш престол является как бы неким явлением горнего престола.

Конечно, имеет смысл подчеркнуть, что слова "Благослови, владыко, Горний Престол" вовсе не означают, что мы должны перекрестить крест, который стоит на горнем месте, как думают некоторые, и даже священники, потому что у нас очень распространено такое мнение: благословить — это значит перекрестить, поцеловать ручку. Но на самом деле слово "благослови" буквально означает: "воздай благу славу", то есть прославь. И когда дьякон говорит: "Благослови, владыко, Горний Престол", он имеет в виду, чтобы священник прославил Престол Божий. И священник благословляет его словами: "Благословен еси на Престоле Славы..." и т.д.

Когда священник или епископ совершают вхождение в алтарь, подходят к престолу, читается молитва "Трисвятого":

"Боже святыи, Иже во святых почивайи, Иже трисвятым гласом от Серафимов воспеваемый, и от Херувимов славословимый, и от всякия небесныя Силы покланяемый; Иже от небытия во еже быти приведый всяческая, создавый человека по образу Твоему и по подобию и всяким Твоим дарованием украсивый; дайи просящему премудрость и разум и не презирайи согрешающего, но полагаяи на спасение покаяние; сподобивый нас, смиренных и недостойных раб Твоих, и в час сей стати пред славою Святаго Твоего Жертвенника и должное Тебе поклонение и славословие приноситьи! Сам, Владыко, приими и от уст нас, грешных, Трисвятую песнь и посети ны благодистию Твоею, прости нам всякое согрешение, вольное же и невольное, освяти наша души и телеса и даждь нам в преподобии служити Тебе во вся дни живота нашего, молитвами Святыя Богородицы и всех святых, от века Тебе благоугодивших".

Вот эта прекрасная молитва, которая читается как раз по

— 5 входе, когда архиерей или священник поднялся к престолу, т.е. как бы в начале литургии, потому что раньше литургия начиналась именно со входа. Во время этой молитвы поются тропари праздника или дня, тропари святого, которому посвящен престол. В конце обычно поется тропарь Божией Матери или кондак Божией Матери — здесь полагаются по уставу тропари или кондаки (этот устав вы будете позднее изучать на литургике). После этого священник громко возглашает: "Яко Свят еси, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков". Если есть дьякон, то здесь происходит такой диалог: священник оканчивает свой возглас словами "ныне и присно", а дьякон на амвоне говорит: "И во веки веков". При этом он поводит орачем от иконы Спасителя к царским вратам, поворачиваясь на амвоне. В старых дореволюционных служебниках здесь стоял возглас: "Господи, спаси благочестивыя и услыши ны". Этот возглас изъят из служебников в советское время, потому что, по преданию, этот возглас относился к императору. Благочестивыми называли императора и его семейство, и эти слова относились как бы к поминовению императора, поэтому они были изъяты и долгое время не произносились. В наше время, в последние годы, решили, что ничего плохого в самих этих словах нет, "спаси благочестивые" — так мы все должны молиться, и Святейший Патриарх Алексий снова ввел в практику этот возглас. И здесь получается так: дьякон говорит "Господи, спаси благочестивыя...", это повторяет хор, потом "...и услыши ны", и это повторяет хор, а потом заканчивает: "И во веки веков". После этого поется "Трисвятое": "Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Безсмертный, помилуй нас" — это херувимская песнь, известная всем нам. И вот слова, которыми священник благословляет Горний Престол: "Благословен еси на Престоле Славы Царствия

Твоего, седай на Херувимех, всегда, ныне и присно и во веки веков". Теперь уже, стоя на горнем месте и повернувшись к народу, священник после возгласа дьякона: "Вонмем", — говорит: "Мир всем", преподает мир всем народам.

Таким образом, как мы видим, литургия совершается определенным чином. Происходит торжественное вхождение в храм, в алтарь, к престолу, на горнее место, и все это, конечно, отражается в молитве. И вот оттуда, достигши горнего места, священник или архиерей посылает мир всем, мир нам.

После этого благословения следует, как вы знаете, чтение Апостола. За чтением Апостола сразу же следует чтение Евангелия. Я думаю, что нет смысла читать вам все возгласы, но молитву, которая читается перед Евангелием, я вам прочитаю:

"Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Владыко, Твоего богоразумия нетленный Свет, и мысленныя наша отверзи очи, во евангельских Твоих проповеданий разумение; вложи в нас и страх блаженных Твоих заповедей, да, плотския похоти вся поправше, духовное жительство пройдем, вся, яже ко благоугождению Твоему, и мудрствующе, и деюще.

Ты бо еси просвещение душ и телес наших, Христе Боже, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Эту молитву священник читает теперь тоже про себя, потом дает Евангелие дьякону, дьякон торжественно обносит его вокруг престола и выходит на амвон.

Чтение Евангелия, чтение Апостола, как вы сами понимаете, есть наше общение со Христом в слове, а вообще, когда мы с вами молимся, это наше слово, к Богу обращенное. А когда мы чи

— 6 таем Священное Писание, то Слово Божие обращено к нам. Получается беседа. Но чтение Евангелия — это не просто беседа, это и проповедь Христова, и Слово Божие, которое особенным образом отмечает сегодняшний день, сегодняшний праздник.

Вы знаете, что евангельские чтения поделены по дням года не случайно, разделение здесь специальное — так, что в течение года в церкви, где служится литургия, прочитывается, по существу, все Четвероевангелие. Вы знаете, конечно, что на праздники читается Евангелие, относящееся к данному празднику, т.е. Евангелие, которое отображает то или иное евангельское событие. Есть Евангелие, специально назначенное на чтение о памяти святых, есть Богородичное Евангелие, которых ... только два.

Конечно, чтение Евангелия — это одно из главных мест, может быть, даже кульминация первой части литургии — литургии, которая называется особенным и несколько странным именем: литургия оглашенных. Почему так называется эта литургия, эта часть литургии? Потому что в древности был особенный разряд присутствующих в храме — тех, кто готовился к принятию святого крещения. И эти готовящиеся к крещению люди оглашались Словом Божиим и словом проповедническим, словом святительским. Поэтому они и назывались оглашенными. И на первой части литургии они могли присутствовать, в отличие от второй ее части — литургии верных, где могли находиться только крещенные, только уже ставшие верными. Именно поэтому первая часть литургии получила такое название, хотя, конечно, это не означает, что на ней присутствовали только оглашенные, а в конце литургии приходили верные. Вовсе нет: верные стоят с самого начала, а оглашенные должны будут потом уйти.

Чтение Евангелия является кульминацией литургии оглашенных. Это самый торжественный, самый величественный момент, и было бы правильно в символическом толковании именно этот момент считать выходом Господа на проповедь, символизирующим выход Господа на проповедь.

После чтения Евангелия в древности епископ или священник выходил на амвон и говорил проповедь, которая очень часто бывала толкованием на прочитанный евангельский текст. Потому что и в древности тоже Евангелие толковали. Мы имеем много свидетельств об этом у древних церковных писателей. Есть много древних толкований.

Евангелие требует толкования не только потому, что оно читается по-славянски и трудно для понимания людям, не знающим славянского языка. Оно требует толкования прежде всего потому, что смысл евангельский чрезвычайно глубок, это есть Слово Божие, слово всеобъемлющее, несущее в себе Божественную глубину, слово, которое бесконечно велико, поэтому каждый, кто читает Евангелие, знает по своему опыту, что можно читать его всю жизнь, и каждый раз будешь понимать все больше и больше, глубже и глубже даже очень хорошо известное тебе место, хорошо известный текст. При чтении Евангелия всегда как бы открывается эта новая глубина, и недаром поэтому духовники всегда советуют Евангелие читать постоянно, каждый день. Известный многим из вас замечательный старец, отец Таврион, прямо так и говорил, чтобы все каждый день читали Евангелие, и при этом добавлял: "Будешь читать Евангелие — и будешь иметь ум Христов". Это значит, что ум твой будет просвещен Словом Христовым, что твое разумение станет приближаться к Евангелию, то есть ты будешь думать

так, как Господь учит. Христос как бы будет действовать в тебе, в твоём разумении. Поэтому чтение Евангелия действи

— 7 тельно требует объяснения, требует особого проникновения в эту глубину, и епископ или священник, конечно, должен объяснять Евангелие, стараться помочь своей пастве глубину эту постигать с возможной полнотой. Но не только толкование Евангелия было темой проповеди.

Нужно начать с того, что в самой глубокой древности, в первые годы жизни православной церкви, Евангелие еще не было написано, и проповедь епископа или апостола, собственно, и была тем благовестием, которое потом записывалось и стало для нас Священным Писанием. Но не только воспоминания о жизни и чудесах Спасителя были темой даже и апостольской проповеди. Мы с вами знаем из "Деяний святых Апостолов", что ап.Павел, приходя в тот или иной город к новым христианам, в христианскую общину, беседовал с ними о многом и очень многое объяснял и в учении Христовом, и в том, как следует жить. То есть, проповедь это есть тот момент, когда через священника или епископа совершается как бы продолжение благовестия, живое слово Церкви.

Здесь следует подумать о том, каким должно быть это живое слово. Хорошо, конечно, если священник имеет талант проповедника, если он умеет глубоко и сильно говорить, если его слово имеет зажигательную силу. Но такой человеческой проповеди не место во время литургии. Потому что литургия — это есть пришествие Господа к нам, и конечно, здесь, во время литургии, слово должно быть прежде всего благодатным. Здесь как раз место для харизматического служения, здесь как раз священник или епископ должен быть орудием Духа Святаго в особой степени, он должен свое сердце открыть для действия благодати Божией и стараться говорить как бы не от себя. Это бывает теперь, в наше время, очень редко, потому что эта должность священника как бы забыта. И если вот это служение, может быть, сохранило немного таких моментов в жизни священника, когда с такой силой сохраняется древняя харизматическая свобода, то нужно сказать, что в наше время и это тоже теряется, и можно сказать, почти утрачено — вот это ощущение харизматического служения в слове.

В древности вся литургия совершалась по вдохновению, т.е. епископ, апостол произносил молитвы так, как он слышал их в своем сердце от Бога. Потом, как вы знаете, пришло время, когда нужно было составить канон служения литургии — и это, конечно, понятно, необходимо, мы об этом говорили, — но вот для живого слова священнического осталось это место после чтения Евангелия. Читается Слово Божие, а потом это Слово Божие имеет как бы себе продолжение — продолжение в том слугителе слова, которым является апостол, епископ, священник. И, конечно, здесь необходимо, чтобы это живое слово было живо и действенно, чтобы оно было обращено к тем людям, которые стоят в храме сегодня, чтобы оно отвечало на те нужды духовные, которые сегодняшняя паства имеет. Чтобы епископ или священник действительно словом руководил бы, вел, воспитывал свою паству. И чтобы здесь было очевидно благодатное присутствие Божие.

Надо сказать, что так бывает и теперь. И если нам с вами удастся слушать разных проповедников, то я думаю, что каждый такой слушающий христианин имеет какой-то опыт и может сказать: "Сегодня я слышал особенное слово". Наверное, когда-нибудь кто-то из вас слышал такое особенное слово, которое нельзя перепутать ни с чем, нельзя его спутать с обычным человеческим словом. Священник тоже имеет такой опыт. Бывает так, что он часто проповедует, и проповедовать ему трудно. А потом вдруг в какой-то день он выходит на амвон, и слово само как бы

— 8 льется из уст, как будто оно не от него, не он говорит как бы. Не может он так сказать, как у него вдруг получается, а чувствует вот это благодатное действие в себе. Так бывает, я уверен, что каждый из нас имеет такой опыт, то есть, мы слышали такую проповедь. Мне посчастливилось много слышать таких проповедей, когда очевидно присутствие Божие, очевидно, что это слово — благодатное. Вот таким благодатным словом и должна быть проповедь. Если бы она такой была всегда, то, естественно, она помогала бы нам совершать Божественную литургию. Потому что эта проповедь в особой степени, совершенно по-своему помогает разгореться нашему сердцу.

Проповедь священническая была тоже одним из главных кульминационных моментов служения литургии оглашенных. Из этого видно, что недаром литургист-богослов протопресвитер Александр Шмеман назвал литургию оглашенных другим названием: "литургией слова". Это очень много говорящее название. Действительно, здесь служение слова, которое чрезвычайно необходимо Церкви, всем нам и в особенном смысле необходимо оглашенным. Литургия слова заканчивается молитвой. После проповеди выходит на амвон дьякон и говорит сугубую ектению. Эта ектения — усиленное прошение, в отличие от обычной ектении, сугубое моление, удвоенное или даже утроенное. Начинается она такими словами: "Рцем вси от всея души и от всего помышления нашего рцем". Никакая другая ектения не начинается таким образом. Здесь с самого начала дьякон призывает нас молиться от всей души, от всего помышления, то есть молиться всем своим существом. Действительно, наступает время вот такой усиленной, особой молитвы. И далее, призвав так народ, он обращается к Господу от лица народа: "Господи Вседержителю, Боже отец наших, молим Ти ся, услыши и помилуй".

Как видим, и это прошение тоже вводное и тоже указывает на особенную сосредоточенность, на особенную силу этой молитвы. Мы особенно умоляем: "...молим Ти ся, услыши и помилуй". И потом начинается прошение, которое всем нам хорошо известно: "Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молим Ти ся, услыши и помилуй. Еще молимся о Великом Господине и Отце нашем Святейшем Патриархе Алексии..., о богохранимем стране нашей..., о братиях наших, священниках, священномонахах и всем во Христе братстве нашем, ...о блаженных и приснопамятных святейших патриарсах православных и создателях святого храма сего и о всех преждепочивших отцах и братиях, где лежащих и повсюду, православных..."

Здесь мне хочется сказать тем, кто будет когда-нибудь дьяконом или священником: никогда не говорите "повсюду, православных" в одно слово, потому что это звучит уже просто иногда анекдотически: "Зде лежащих и повсюдуправославных". "Зде лежащих и повсюду, православных" — здесь есть запятая. Дьяконы почему-то все без исключения говорят всегда "повсюдуправославных" — как бы в одно слово.

Анекдоты тут, наверное, ни к чему, вообще они вредны, как правило, но я расскажу вам все-таки по этому случаю анекдот.

Некий дьякон — это реальный случай, не придуманный, любивший иногда употребить спиртное в излишнем количестве, лежал где-то около дороги, и бабушки, шедшие в храм, спросили его: "Отец дьякон, что же ты здесь лежишь?". На что он ответил: "Зде лежащий — повсюду православный". Но я надеюсь все-таки, что вы, когда будете молиться, не об этом будете думать и ектению будете произносить правильно.

Дальше говорится в следующем, последнем прошении: "Еще мо"

— 9 лимся о плодоносящих и добродееющих во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебя великия и богатыя милости". И возглас: "Яко милостив и Человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков".

Те, кто знает службу, наверное, заметили, что одно прошение я пропустил — прошение, которое всегда на литургии мы с вами слышим: "Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих, братии святого храма сего". И дальше — кто как может, в некоторых местах дальше 40 минут читают записки, а в некоторых храмах поминаются, скажем, только служащие в этом храме священники, ктитор храма сего или певчие, ну, иногда поминаются болящие — те, за кого просили особенно помолиться. Но, как бы там ни было, в служебнике этого прошения нет. И вот тем, кто думает, что литургия раз навсегда составлена в каком-нибудь, скажем, третьем веке и никогда не менялась, я здесь скажу, что налицо довольно сильное изменение в служении литургии. Какое?

В древности во время литургии, конечно, поминали. За здоровье поминали членов общины, болящих, путешествующих, тех, кто был захвачен гонителями и пребывал в заточении — конечно, за них церковь сугубо (особо) молилась. И, наверное, было и соответствующее прошение в этой ектении. Но потом, как мы уже с вами говорили, наступили времена мирные, когда гонения прекратились. Общины церковные сначала стали расти, а потом, вероятно, заменились приходами постепенно, как у нас в России, и стали очень многочисленными. И священник уже не мог помянуть, скажем, всю деревню по именам или весь приход в городе, и поэтому, чтобы не загромождать литургию перечислением неизвестных имен, поминовение было вынесено на проскомидию, а из сугубой ектении прошение, где поминаются конкретные люди, было изъято. И вот современный наш служебник как раз и содержит такой текст сугубой ектении. Но по ряду причин, хороших и плохих, это прошение повсюду введено, причем я не уверен, что было соответствующее указание, скажем, высшей церковной власти, может быть, и было — я не знаю этого. Оно, это поминовение поименное на ектении, вошло настолько прочно, что хотя его и нет в служебнике, но произносят его абсолютно везде. Любой дьякон, любой священник это прошение обязательно произносит. Но как?

В еще недавнем прошлом, для вас, может быть, не таком уж близком, все записки разделялись на группы. Были записочки серенькие, синенькие, красненькие — с одной галочкой, с двумя галочками и так далее. За ящиком, когда подавали такую записку, соответственно брали с вас 50 копеек, рубль, три рубля — это было еще, конечно, до перестройки. Сейчас уже я не знаю, сколько берут — 100 рублей или 300. И было правило: красные записочки, трехрублевые, читают на проскомидии, потом на сугубой ектении, ну а самые дорогие еще читают специально на особом таком выходе из алтаря, когда поют "Со святыми упокой" и произносят "Вечную память". И вот тут поминают покойников, за которых заплатили совсем хорошо. Такое разделение записок по денежному принципу, конечно, никак не может соответствовать духу служения литургии. Это, конечно, какой-то коммерческий принцип, который ворвался в литургическую жизнь и означает страшное снижение духа, это означает, что литургия нами утрачена в каком-то смысле, т.е. мы ее не понимаем уже больше, мы уже в ней по-настоящему не

участвуем. Потому что мы просим у Бога и чаем в литургии получить бесконечно много, мы просим о вечной жизни, о чуде — всякая литургия это есть самое великое,

— 10 самое удивительное чудо — и думать здесь о записках трехрублевых или рублевых — это, конечно, ужасно. Но тем не менее жизнь есть жизнь и кушать надо, и батюшки, которые устраивают свою церковную жизнь, должны смотреть на церковный доход и думать, из чего бы его сформировать. Раньше церковный доход формировался из пожертвований, а теперь пришли времена какой-то купли-продажи, когда надеяться на то, что народ пожертвует, не приходится, нужно с него брать какую-то плату за каждую потребу, и даже вот за литургию. Еще в прошлом веке, и даже в нашем веке, это называлось "заказать литургию". То есть, можно было прийти в храм и заказать литургию, заупокойную литургию. К счастью, вам сейчас вам эта терминология уже не близка и многим вообще не знакома. А еще несколько десятков лет назад это было обычно — заупокойная литургия. И служились раньше такие заупокойные литургии, когда не было ни одного причастника, а была только записка, за которую много заплачено и которая всю литургию только и поминается. Конечно, такое низведение литургии до уровня какой-то требы частной — это тоже вещь совершенно ужасная, катастрофическая, и можно сказать, что это, наверное, тоже одна из причин страшного духовного падения русского народа, которое совершилось в начале века. Потому что, по существу говоря, это означало потерю евхаристического духа, потерю литургической жизни.

Все это я говорю вам потому, что поминовение на литургии, на ектении — это есть некий камень преткновения даже в наши дни. И сейчас тоже можно от многих услышать недоумение: почему это у вас в храме не поминают по запискам? ... благочестивый батюшка скажет — и я это слышал неоднократно — вот, был такой случай, один батюшка служил, служил, а потом умер, и вот явился ангел и сказал, что он в Царство Божие не попал, потому что вместо того, чтобы записки читать, он их под жертвенник кидал и не читал их. Ленился записки читать, поэтому Царства Божия ему не видать. Такие нравоучительные притчи и сейчас в ходу, и смысл имеют они очень простой: обязательно нужно читать записки, ведь записки народ подает, за записки народ копеечки дает, трудовые копеечки. Надо их читать, и вот усердные батюшки эти записки читают во время литургии по 40 минут и по часу. Я сам служил в таком храме, где после Евангелия проповеди не было, а начиналось чтение записок и продолжалось примерно час, и хор выходил покурить во двор, и регент говорил: "Что он, с ума сошел, как же это можно, какая же это литургия?".

Так говорить о священнике, конечно, плохо, нельзя так говорить, он, конечно, имел свою благочестивую цель. Но это разбивает литургию совершенно, она теряет свой дух полностью, потому что бубнить записки с сотнями имен — это нельзя назвать литургией. Никогда такого на литургии не было и не могло быть, это есть, конечно, очень тяжкое и грубое искажение литургии. Приходится увидеть, что здесь не только доброе желание помянуть и помолиться за больных людей присутствует, но и некий коммерческий, экономический расчет, который вновь из проскомидии вытаскил поминовение в литургию оглашенных. Здесь происходит обратное движение, отвечающее уже не духовным потребностям времени, а потребностям коммерческим. Такая мотивация должна быть признана злокачественной, и конечно, с ней нужно бороться. Так литургию портить нельзя.

Можно ли вообще помянуть на литургии записки? Конечно, можно. И можно, и очень хорошо. Но нужно, чтобы это не превращало литургию неизвестно во что. Тут не должно быть перерыва в литургии. Если кто-то очень болен, если это случай, когда вся

— 11 община может помолиться за кого-то, или принесен покойник в храм и, конечно, о нем следует помолиться. Может, не один, может, несколько усопших требуют нашего поминовения. Может быть, мы молимся о каких-то известных всей общине почивших людях или болящих. Помолиться нужно, и помянуть их тоже и можно и хорошо. Но нельзя здесь впадать в другую крайность. То есть, недаром наши святые предки такое поминовение массовое вынесли на проскомидию. И вот для того, чтобы защитить вот такое нечтение записок во время литургии, я и ссылаюсь на служебник, в котором нет этого поминовения, т.е. это есть прямое нарушение устава, когда совершается длинное поминовение на литургии. Некоторые думают, что наоборот — те, кто не читают записки, нарушают устав, а в действительности обстоит дело именно так, что те, кто начинают длинное чтение записок, они-то и нарушают церковный устав.

После сугубой ектении следует заупокойная ектения. И здесь надо сразу сказать, что эта ектения вовсе не всегда должна читаться. На великие праздники, даже в воскресные дни эту ектению можно опустить, потому что и здесь тоже церковь не призывает нас к такому особенному поминовению, а призывает нас к динамичному, сосредоточенному служению литургии. Естественно вставить заупокойную ектению, когда есть покойник у общины, когда мы кого-то хотим особенно вспомнить — скажем, в день памяти каких-то особенно дорогих нам людей. На практике сейчас заупокойная ектения обычно отменяется в большие праздники, а в обычные, даже и воскресные, дни она всегда читается, поскольку всегда бывает много записок заупокойных. Но эти заупокойные записки также ни в коем случае не должны быть

прочитаны все во время ектении. Их нужно читать на проскомидии. А здесь достаточно общей молитвы. Значит ли это, что молитвы поименной быть не должно вообще? Или она должна быть только на проскомидии? Конечно, нет. Мы должны молиться по именам, но наша молитва должна быть осмысленна, т.е. нужно, чтобы мы поминали тех, кого мы знаем или о ком мы что-то знаем, чтобы это были не просто записки о какой-нибудь Марье или Дарье, но чтобы это были люди, о которых мы имеем какое-то хотя бы представление.

Кто может так поминать? Конечно, мы сами. Когда дьякон выходит и говорит: "Еще молимся о милости, мире, жизни, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих..." и поминает тех, кого он знает: священников храма, певчих, особо болящих кого-то, - в это время все мы, стоящие в храме, должны усиленно молиться за своих близких, о ком мы написали в записках. Неважно, в конце концов, даже и то, кто прочитал эти записки. Вот мы их написали, и эти записки стали символом нашей молитвы, и мы их читаем здесь, во время ектении, и таким образом весь храм поминает своих близких. Вот как должно было бы быть.

Конечно, сейчас у нас делается не так, записок бывает много в храмах, и получается, что эти записки священник прочитать не в силах. Я вам приведу такой пример. Был такой замечательный старец, архимандрит Серафим Тяпочкин, он служил под Белгородом, в деревне. И хотя это была деревня, но к нему приезжал народ со всех концов России. И не так даже было много народу в храме, но записок было очень много. И отец Серафим даже в глубокой старости приходил в храм в 6 утра и совершал проскомидию, пока не помянет по запискам всех, кто там перечислен. Он вынимал частички поименно, за каждого, поэтому литургия частенько начиналась в 12 часов дня. А с 6 часов утра до 12 читали акафисты, каноны разные, правила ко святому при

— 12 чашению со всеми тремя акафистами — в общем, все что угодно делали. Исповедовали без конца. А батюшка совершал проскомидию в течение 5-6 часов, и только после этого была литургия, а выходил он из храма (его почти выносили) в 5 часов вечера. Это, конечно, был его личный подвиг, он был святой человек, достигший, конечно, особенных благодатных даров, и мы не можем его укорить: он так хотел подвизаться. Но мы не можем признать такой способ служения возможным для всей церкви, потому что даже в этом селе местные жители к отцу Серафиму не ходили. Отец Серафим сначала удивлялся, а потом говорил: "Ну, ведь у меня только одни приезжие, а местные все говорят: "Батюшка за нас помолится", — а сами остаются дома". Почему так происходило? Конечно, если вы специально едете к такому батюшке, то вы можете целый день простоять на литургии. Это эпизод в вашей жизни. А если вы ходите в церковь каждое воскресенье или чаще, то каждый раз с 6 утра до 6 вечера вы не можете находиться в храме. Поэтому такой способ служения литургии не может быть признан возможным для всей церкви.

Надо сказать, что большинство замечательных служителей литургии, святых людей, литургию совершают быстро. Литургия должна иметь особый динамизм, она должна как бы быть на одном дыхании, совершаться стремительно, это есть огненная молитва, самая высокая, самая сильная, это есть особенное благодатное озарение, действительно пришествие Царствия Божия к нам. И поэтому в литургии нельзя комкать что-то, нельзя затягивать, здесь должен быть свой ритм, и он должен быть стремительным.

Вот стремительно служил и молился отец Иоанн Кронштадтский. И многие замечательные старцы именно так служили и служат Божественную литургию. Если бы литургия так совершалась, мы бы все могли в ней участвовать. Когда литургия искусственно растягивается и в нее вводятся совершенно не свойственные ей, ненужные длинноты, то народ, который здесь стоит, как бы выпадает, он уже не может в ней участвовать. Священнику, который находится в особом положении — он ведет, ему легче быть сосредоточенным, а народу, который стоит в храме и который более пассивен по своему положению, не может молиться в течение нескольких часов. Так что литургия ни в коем случае не может быть равнодушной к такому произволу, когда вдруг один начнет записки слишком долго читать, другой начнет проповедовать как-нибудь очень плохо и бессмысленно в середине литургии — так нельзя. Все должно быть по особому вдохновению.

Но вот совершается заупокойная ектения, читается молитва, возглас, и произносится ектения об оглашенных: "Помолитесь оглашенным, Господеви. Вернии, о оглашенных помолитесь, да Господь помилует их. Огласит их словом истины. Откроет им Евангелие правды. Соединит их Святей Своей, Соборней и Апостольстей Церкви. Спаси, помилуй, заступи и сохрани их, Боже, Твоею благодатию. Оглашенным, главы ваши Господеви приклоните".

И священник читает молитву об оглашенных: "Господи Боже наш, Иже на высоких живый и на смиренных призирая. Иже Спасение роду человеческому низпославый — Единороднаго Сына Твоего и Бога, Господа нашего Иисуса Христа! Призри на рабы Твоя оглашенные, подклонивши Тебе своя выя, и сподоби я во время благополучное бани пакибытия, оставления грехов и одежды нетления, соедини их Святей Твоей Соборней Апостольстей Церкви и сопричти их избранному Твоему стаду. Да и тии с нами

славят пречестное и великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

— 13 -

Во время этой ектении священник полностью раскрывает антиминос на престоле, и после этого следует возглас дьякона: "Елицы оглашении, изыдите, оглашении, изыдите; елицы оглашении, изыдите. Да никто от оглашенных, елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся". Этим возгласом кончается литургия оглашенных. Оглашенные, то есть те, кто готовится к крещению, должны выйти из храма, потому что дальше начинается литургия только лишь верных, которая есть величайшее таинство, на котором присутствовать могут лишь посвященные, только верные .